

Светлана Николаевна Оводова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, заведующая научно-исследовательской лабораторией социальных и институциональных исследований, Омск, Россия
e-mail: snovodova@mail.ru

Голоса «неуслышанных» и «новая искренность»: практики геронтологического, пенитенциарного, этнического, религиозного исключения и их осмысление в современной теории и философии культуры (постановка проблемы)

Аннотация. В статье исследуется осмысление процедур исключения в теории и философии культуры. Определяются методологические рамки изучения практик геронтологического, пенитенциарного, этнического и религиозного исключения в современной культуре. Выявляется эвристический потенциал деколониальной оптики и метамодернистского подхода в изучении практик исключения в современной культуре, что, в частности, проявляется в изменении принципов репрезентации культурных травм. Замена постмодернистского построения нарратива об опыте травмированных и исключенных по принципу «шок и шоу» на метамодернистскую новую искренность позволяет отойти от коммодификации и стигматизации. Анализируются современные тенденции конструирования взаимоотношений с Другим в постколониальном дискурсе, деколониальной оптике, trauma studies, memory studies, в метамодернизме.

Ключевые слова: культура, метамодернизм, постколониальные исследования, деколониальный дискурс, дискурсивные исключения, философия культуры.

Благодарности. Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-1512.2020.6.

Svetlana N. Ovodova

Dostoevsky Omsk State University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology, Philosophy and Cultural Studies, Head of the Research Laboratory for Social and Institutional Research, Omsk, Russia
e-mail: snovodova@mail.ru

Voices of “The Unheard” and “New Sincerity”: Practices of Gerontological, Penitential, Ethnic, Religious Exclusion and Their Conception in Modern Theory and Philosophy of Culture (Problem Statement)

Abstract. The article examines the understanding of exclusion procedures in the theory and philosophy of culture. The methodological framework for studying the practices of gerontological, penitentiary, ethnic and religious exclusion in modern culture is determined. The heuristic potential of the decolonial optics and the metamodern approach in the study of exclusion practices in modern culture is revealed, which, in particular, manifests itself in changing the principles of representation of cultural traumas. Replacing the postmodern construction of the narrative about the experience of the traumatized and excluded on the principle of “shock and show” with a metamodern new sincerity allows us to move away from commodification and stigmatization. The article analyses the current trends in the construction of relationships with the Other in postcolonial discourse, decolonial optics, trauma studies, memory studies, and metamodernism.

Keywords: culture, metamodernism, postcolonial studies, decolonial discourse, discursive exclusions, philosophy of culture.

Acknowledgments. The research was carried with the support of the Russian Federation President’s grant, project MK-1512.2020.6.

Введение (Introduction)

Вопрос Г. Спивак «Can the Subaltern Speak?» [1], вынесенный в название ее работы, заставляет задуматься о возможности адекватной репрезентации идентичностей социокультурных групп, наличие которых замалчивается или игнорируется.

Осмысление и анализ опыта людей, чьи идентичности оказываются вытесняемыми из понятия нормы, вследствие чего они маргинализируются, становится новым трендом в современной теории и философии культуры. С одной стороны, это предопределено логикой развития теоретического

дискурса о культуре и является закономерным продолжением критики теорий модерна. С другой стороны, процессы, протекающие в культуре, также актуализируют обращение исследователей к проблематике дискурсивного исключения Другого.

В современном мире действуют практики исключения отдельных сообществ по разным основаниям: по этническому принципу (малочисленные народы, цыгане, мигранты и т. п.), по религиозному (старообрядцы, экопоселенцы и т. п.), по возрастному (пенсионеры, особенно одинокие старики), по социально-правовому (бывшие заключенные). Данные группы, несмотря на то, что не «устраиваются» из общества, тем не менее не воспринимаются большей частью общества как «свои», мыслятся как обременяющие, как те, кого надо включать в активную жизнь общества только с определенными оговорками. Одни группы мыслятся как социально опасные, иные как социально ненужные, но столь разные группы объединяет то, что они воспринимаются как «чужие», «исключенные», «второстепенные», обременяющие общество. По отношению к некоторым группам государство создает программы, нацеленные на преодоление практик исключения. Пенсионеров пытаются повторно социализировать посредством цифровизации и обучения новым навыкам. Цыгане и мигранты воспринимаются как переселенцы и кочевники, не связанные с традиционной культурой территории. У государства возникает необходимость их воспитания и включения в порядки социума: обучение русскому языку, прививание местных традиций, наблюдение за их деятельностью посредством создания центров национальной культуры, проведения национальных праздников, проводимых под «надзором» местной администрации города и области. Для бывших заключенных создаются программы реабилитации, противодействующие повторному рецидиву. Отдельные религиозные сообщества воспринимаются как религиозные меньшинства не только доминирующими религиозными организациями, но и новыми религиозными движениями, которые также борются за право репрезентировать себя в дискурсе. Некоторые новые религиозные движения являются активными в социальном пространстве, несмотря на то, что они не признаются доминирующими титульными религиями, но их деятельность признается государством (например, адвентисты, пятидесятники). Иные религиозные организации, такие как старообрядцы и экопоселенцы, не представлены в дискурсе власти (отделы по координации межконфессиональных отношений в регионе не ведут с ними активную работу), доминирующие и активные религиозные организации также не признают их значимость, хотя, например, и старообрядцы, и экопоселенцы представлены на территории Омской области.

Данные сообщества с их исконной идентичностью и практиками поведения не интересны государству и обществу, что влечет за собой полное «выпадение» из культуры, эти сообщества оказываются «не видны», а реальные формы их самосознания не репрезентированы. Однако, несмотря на их «невидимость», это не говорит об их отсутствии в реальном социальном пространстве. Каждая из этих групп вытесняется по-своему, в отношении них действуют различные практики включения и исключения. Но если по

отношению к инвалидам общество модерна готово меняться само, подстраиваясь под эту обширную группу (создавать доступную среду, инклюзивное образование, вносить особые квоты на вакансии для инвалидов), меняя собственные правила, то по отношению к упомянутым группам в обществе применяются практики, характерные для заключенных и умалишенных (М. Фуко).

Проблематизируя данную тему, мы должны учитывать, что нужно разделять культурную практику, где мы можем наблюдать за функционированием феноменов, и теорию культуры, описывающую данные процессы.

Методы (Methods)

Изучение «исключенных» групп, некоторые из которых самоизолируются, ставит вопрос о репрезентации голосов «неуслышанных», «исключенных», «иных» в разных типах дискурсов. Теоретической рамкой исследования выступают метамодернизм, постколониальные исследования, теория дискурса и власти М. Фуко, *trauma studies*, *memory studies*, *criminal studies*, *decolonialturn*. Сопряжение данных методологических подходов позволяет зафиксировать сообщества, репрезентация идентичности которых не всегда была видна как в культурной практике, так и в теоретических языках описания культуры. Столь различные методологические парадигмы и сообщества связывает вместе единая исследовательская тема — внимание к механизмам формирования и репрезентации идентичностей «исключенных», «неуслышанных».

Литературный обзор (Literature Review)

При описании процедур дискурсивного исключения отдельных групп мы опираемся на теорию М. Фуко. В своей работе «Порядок дискурса» он подробно описывает, как функционируют внешние и внутренние процедуры контроля дискурса [2]. Если радикально усилить позицию М. Фуко, то можно сказать, что практики взаимодействия, отработанные на заключенных и безумных, начинают применяться к иным социальным группам.

Постколониальный подход фиксировал наличие угнетения в культуре по отношению к бывшим колониям, к мигрантам. Расширение постколониального подхода позволяет увидеть механизмы подавления и подчинения, действующие в обществе по отношению к «иным», «чужим», носителям других ценностей и норм поведения (Ф. Фанон, Э. Саид, Х. Бхабха, Г. Спивак, Д. Чакрабартти). Как отмечает Г. Спивак, угнетенные и их интересы не могут быть репрезентированы официальным институтом, так как институт не говорит языком угнетенных, а конструирует свой собственный язык и отстаивает свои интересы. Продолжая мысль Спивак, мы фиксируем, что, несмотря на видимость наличия внимания к пенсионерам, мигрантам, малым народам, религиозным меньшинствам, бывшим заключенным, институты (власть, медиа и т. д.) не пытаются понять причины их самоизоляции, а создают образ этих социальных групп и выстраивают коммуникацию не с реальной социальной группой, а с воображаемым сконструированным образом (Б. Андерсон).

Каждая из групп сталкивается со стороны общества с неприятием и желанием от них дистанцироваться. Такой опыт

в некоторых случаях можно осмыслить как травму, которая провоцирует «исключенные» социальные группы еще больше изолироваться, отгораживаться от общества, создавать свои социальные поля, существующие параллельно и оторванно. Цыгане становятся «оседлыми», но селятся как гетто, оккупируя отдельные городские районы. Экопоселенцы изолируются от городов, но создают свои поселения вблизи больших городов. Бывшие заключенные продолжают поддерживать связь с криминальным миром, поскольку именно так они чувствуют себя как «свои». Отчуждаемые от общества «исключенные» группы по-разному переживают и оценивают свое вытеснение за пределы «нормы».

В *trauma studies* и *memory studies* осмыслялись принципы конструирования нарратива о травмирующем опыте (Дж. Александер, А. Ассман, Р. Айерман, Х. Арендт, А. Эткнд). В *memory studies* большее внимание уделяется осмыслению памяти как социокультурного феномена, анализируется, как репрезентируется опыт в памятниках культуры, в нарративах. Наибольший интерес вызывают события, которые либо замалчиваются, либо разговор о которых вызывает болезненные реакции в обществе. В своих работах А. Ассман обращается к проблемам немецкой мемориальной культуры, к восприятию Холокоста разными поколениями, к темам геноцида начала XX в., к конструированию забвения о травмирующих исторических событиях. «Когда в 1989 году пала Берлинская стена, сокрушив и весь советский восточный блок, параллельно разрушилось еще нечто очень важное, а именно вера в модернизацию с ее надеждами на будущее и забвением прошлого. Становление мемориальной культуры и падение веры в модернизацию непосредственно связаны друг с другом, они знаменуют собой постепенное осознание Западом совершающейся эволюции в восприятии времени. Новая мемориальная культура радикально изменила традиционные формы коммеморации. Впервые за всю историю они относятся теперь не только к понесенным собственной страной жертвам войны, скорбно оплакиваемым или чествуемым как герои, но и к жертвам собственных преступлений, ответственность за которые ложится на государство и на последующие поколения. Подобная самокритичная коммеморация является совершенно новым историческим явлением» [3, с. 7]. Ассман выделяет следующие техники забвения: стирание, прикрытие, сокрытие, умалчивание, переписывание (палимпсест), игнорирование, нейтрализация, отрицание, утрата [4, с. 19–24]. Все эти техники фиксируют, как в культуре вырабатываются практики молчания. Исследования Ассман синхронизируются с размышлениями Фуко о системах исключения и процедурах контроля дискурса, а также с постколониальными исследованиями. Несмотря на то, что в качестве примеров в данных исследованиях происходит обращение к абсолютно разным культурным феноменам, акцентируются схожие культурные механизмы: проблематизируется практика молчания в культуре.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

В социально-гуманитарных науках практики корректного осмысления опыта «травмированных» и «подчиненных» продолжают формироваться до сих пор. *Trauma studies*

является динамично развивающейся научной областью, стоит сказать, что осмысление культурных травм является болезненной темой как в социальной реальности, так и в теории культуры. Если в модерне ключевым принципом работы с такими нарративами было их замалчивание, то в постмодерне с развитием визуальных медиа активно используется принцип «шок и шоу». Рассказ об опыте травмированного может либо стигматизироваться и замалчиваться, либо коммодифицироваться и превращаться в шокирующее глобальное шоу на рынке услуг для общества впечатления. И тот и другой сценарий искажают образ свидетеля и не позволяют зафиксировать настоящий опыт социальной группы, голоса травмированных, угнетенных, исключенных остаются неслышанными.

Травма выступает в качестве точки сборки коллективной и личной идентичности и памяти. Культурная (социальная) травма при этом может быть латентной, т. е. носитель идентичности, собранной по основанию травмы, сам может не иметь ни травмирующего опыта, ни опыта свидетеля. Как отмечает Р. Айерман, рассуждая об идентичности афроамериканцев: «Неважно, испытали ли они сами опыт рабства и даже пережили ли его их предки, — афроамериканцев в США определяют через память о рабстве и его репрезентацию, и так же они определяют сами себя. <...> В этом смысле рабство травмирует всех тех, кто разделяет общую судьбу, — переживать общий опыт необязательно. Культурная травма задает членство в группе, которая объединена событием или опытом, воссоздает первичную сцену, укрепляющую индивидуальную и коллективную идентичность. Это событие, отныне связанное с созданием группы, должны вспоминать другие поколения, не переживавшие лично “подлинного” события, но продолжающие определяться им и определять самих себя с его помощью» [5]. Из-за того, что культурная травма признается и поддерживается сообществом, становится важной репрезентация данной травмы. Сам факт существования любого травмирующего явления не делает его культурной травмой. Как утверждает Дж. Александер, культурная (историческая) травма — это конструируемый социальный феномен, она должна быть признаваема обществом и разделяема им: «События не являются травмирующими по своей внутренней природе. Травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества» [6, с. 16]. Трансформация принципов репрезентации травмирующих событий может выступить в качестве индикатора трансформации дискурса в отношении исключенных.

Травма может быть различной с точки зрения темпоральности: исторически отставленной во времени или разворачивающейся в реальном времени посредством исключения определенных социальных групп, но, повторимся, главное условие функционирования культурной и социальной травмы — это признание ее сообществом и создание форм репрезентации травмы.

В начале XXI в. актуализировалось обращение к проблематике культурных, социальных, коллективных, исторических травм. Мы можем зафиксировать, как в теоретическом дискурсе и медиaprостранстве возникает интерес к осмыслению травмирующих событий. При этом «тон»

репрезентации травмирующего нарратива меняется с постмодернистской формулы «шок и шоу» на метамодернистскую «новую искренность». В начале XXI в. данную тенденцию осмысления «трудного прошлого» зафиксировали в отечественной культуре [7; 8; 9].

Идея «новой искренности» получает наибольшую актуализацию в контексте метамодернизма. Метамодернизм одновременно является феноменом культуры и концепцией культуры. Несмотря на то, что метамодернизм окончательно не сформирован («Заметки о метамодернизме» были опубликованы в 2010 г. [10]), тем не менее, в отличие от иных теорий постпостмодерна, он получает наибольшее распространение в культурной реальности.

Метамодернизм, как отмечают Т. Вермюллен и Р. ван ден Аккер, представляет собой структуру чувств, где происходит «качание» между энтузиазмом модерна и иронией постмодерна. «Метамодернизм — это не философия. Это также не движение, не план или программа, не художественная заметка, визуальный концепт, литературный прием или троп» [11]. Это особый тип чувственности: «Если предположить, что это какой-нибудь “-изм”, обладающий художественной ценностью — стиль речи, концепт или литературный прием — значит использовать это явление как объект, который может быть выдернут из текста или изображения и использован где-либо еще. Ничто из вышеперечисленного не является метамодернизмом. Опять же, это не система, движение или прием. Для нас это структура чувства. Когда мы произносим “структура чувства”, то намереваемся сказать (также как говорили о постмодернизме Фредерик Джеймсон и позднее Дэвид Харви), что это восприятие, которое распространено достаточно для того, чтобы называться структурой...» [11] Одной из ключевых характеристик метамодернизма является реализация принципа «обаединства», «и то и другое — и ни одно из них», который заключается в колебании между противоречивыми чувствами, например между скептицизмом и наивностью, пародией и искренностью. В этом приеме проявляется метамодернистская осцилляция, которую не стоит воспринимать как баланс и гармонию, именно поэтому для выражения данной идеи теоретики метамодернизма предлагают образ маятника [12]. Этические установки метамодернизма предполагают отказ от единственно возможной точки зрения на событие, позволяя одновременно реализовывать приятие и недовольство, рассматривать эти позиции не как противоборствующие или бинарные.

Принцип деконструкции позволяет акцентировать внимание на деконструируемом, посредством деконструкции признается значимость объекта/события/субъекта, ибо он(-о) проступает на общем фоне. В метамодернизме предполагается, что отстраненность постмодернистской деконструкции сменяется качанием между иронией и искренностью, т. е. по отношению к одному объекту или событию возможно испытывать гамму противоречивых чувств. Но метамодернизм не предполагает баланса этих чувств, не заставляет выбрать единственную позицию, а делает возможным полифонию чувств. Отличие в данном приеме от множественного постмодернистского субъекта заключается в том, что в постмодернизме субъект мертв и фрагментарен, что

демонстрируется в шизоанализе. Метамодернизм вновь говорит о самости и целостности субъекта, однако учитывает неоднозначность и нестабильность мира, что выражается в образе колеблющегося субъекта, который испытывает подлинные чувства и колеблется искренне.

Новая искренность метамодерна делает легитимным разговор о серьезном. Разрушение молчания связано с падением «Большого и жесткого» модерна. Постмодерн акцентирует скольжение по поверхности, отказ от глубины, историчности и аффекта в терминах Ф. Джеймсона [13]. Данный подход реализуется в том числе в концепции смерти субъекта, которая оказывается столь значимой для постмодерна, ибо субъект больше не обращается к болезненному опыту прошлого. Прошлое в постмодернизме не воспринимается всерьез, так как оно очень травмирует. Этим примером можно проиллюстрировать отказ от историчности и глубины, которые фиксирует Джеймсон. Скольжение по поверхности не требует погружения в глубину и знание исторического контекста. Но метамодерн возвращает аутентичность, глубину, аффект, историчность и самость в качестве установок в современной культуре [14]. Это можно зафиксировать в трансформации отношения к мемориальной культуре, в интересе к травмирующим событиям, которые мыслятся как точки сборки идентичности отдельных поколений; в исследованиях исключенных групп, чей опыт ранее замалчивался, стигматизировался или коммодифицировался.

Метамодернистская структура чувств состоит из нескольких взаимосвязанных установок: новая искренность, постирония, осцилляция, аутентичность, глубина, историчность, аффект, самость. Каждая из установок вытекает одна из другой, и все они собираются в идее возвращения субъекта и его чувственности. При этом, в отличие от постмодерна, субъект не иронизирует над «не уникальностью», излишней романтичностью и искренностью своих переживаний, а принимает их, что, однако, не лишает его возможности посмеяться над собой, что и схватывается в концепциях «новой искренности» и «постиронии». Метамодернизм провозглашает изменение правил игры, так как игра несовершенна и несправедлива по своему основанию [15]. Одной из идей метамодернизма является нивелирование болезненности проигрыша, так как проигрыш демонстрирует лишь расстановку сил на данный момент, указывает на наличие доминирующих и подчиненных. По мнению метамодернистов, сама игра устроена так, что там нет равных условий для выигрыша, нет равенства, однако полностью отказаться от нее нельзя, можно лишь изменять ее правила. Такой подход формирует новую этику. Нам видится, что в этических установках метамодернизма и деколонизма есть пересечения, в частности принцип отношения к проигравшим, подчиненным.

Для анализа практик пенициарного, этнического, религиозного и геронтологического исключения нам представляется необходимым обращение к деколонизальной оптике, которая акцентирует внимание не только на колониальности принципов взаимодействия в обществе, но и на колониальности мышления и системы знания. Представители деколонизального поворота различают колониализм как исторический факт и колониальность как схемы мышления, которые

продолжают воспроизводить доминирование и подчинение в культуре. Несмотря на то, что колониализм как исторический факт остался в прошлом, тем не менее властные механизмы угнетения продолжают действовать, в том числе и в науке. Использование «западных схем» для объяснения проблем третьего мира или для анализа идентичностей мигрантов, диаспор и т. п. демонстрирует колониальность мышления и, с точки зрения представителей деколониального поворота (М. Тлостанова, В. Мигноло, А. Эскобар, А. Кихано), не позволяет понять опыт таких культур и людей. Оперирование схемами западной науки, по мнению представителей деколониального поворота, воспроизводит опыт травматической зависимости от Запада, так как для анализа локального материала не вырабатывается самостоятельная модель анализа, а используются понятия, которые были созданы для описания конкретных культурных ситуаций в конкретный исторический период, и данные понятия не могут распространяться на все культуры. Данный подход вновь возвращает нас к проблемам осмысления опыта иного, Другого, исключенного.

Превращение Другого в объект, дистанцирование от него ставит вопрос о возможности понимания практик этих сообществ. Многие антропологи уже акцентировали данную проблему внутри своей дисциплины (например, В. де Кастру, Й. Фабиан), указывая на дистанцию, которую исследователь выстраивает между собой и изучаемым им обществом. С тем же вопросом о позициях субъекта и объекта мы сталкиваемся, когда осмысляем опыт травмированных (trauma studies) и исключенных, принципы корректной репрезентации данного опыта в научном дискурсе, в дис-

курсе средств массовой информации, в произведениях массовой культуры.

Сложность репрезентации своего опыта у групп «исключенных» возникает в связи с отсутствием дискурсивных практик, позволяющих сделать легитимным их рассказ о своей идентичности, о своем опыте, о своем участии в жизни общества. В метамодернистской теории и деколониальной оптике идет работа с разрушением молчания и конструирование высказывания о «неприятной» теме.

Заключение (Conclusions)

Осмысление практик пенитенциарного, этнического, религиозного и геронтологического исключения сопровождается поиском ответов на следующие вопросы: Какие формы мимикрии требуются от представителей «исключенных» групп, чтобы общество признало их частью себя? Какие требования предъявляет общество, чтобы воспринимать их как «своих»? Как представители «исключенных» групп (цыгане, мигранты, пенсионеры, бывшие заключенные, старообрядцы, экопоселенцы) осмысливают свое место в обществе? Если идентичность «исключенных» вытесняется из дискурса власти и медиа, то как и где они ее репрезентируют? Как конструировать нарратив об идентичностях «исключенных» в научном дискурсе?

Когда нам кажется, что в культуре всё изучено и уже не осталось «непознанных лакун», то мы вдруг можем обнаружить социокультурные феномены, не укладывающиеся в наши привычные схемы анализа культурной реальности, поэтому крайне необходима новая постановка проблемы исследования смысловых доминант трансформирующейся культурной реальности.

Библиографический список

1. Spivak G. C. Can the Subaltern Speak? // Williams P., Chrisman L. Colonial Discourse and Post-Colonial Theory: A Reader. New York : Columbia University Press, 1994. P. 66–111.
2. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. С. 47–96.
3. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
4. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
5. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5 (141). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171/ (дата обращения: 20.08.2020).
6. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
7. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.
8. вДудь. Колыма — родина нашего страха // YouTube : видеохостинг. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oo1Woul38rQ> (дата обращения: 29.01.2020).
9. вДудь. Беслан. Помни // YouTube : видеохостинг. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vF1UGmi5m8s&lc=Ugw s4K1HxAuNuvfE8eB4AaABAq> (дата обращения: 29.01.2020).
10. Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме // Metamodern: журнал о метамодернизме. 2015. 2 дек. URL: <https://metamodernism.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 15.02.2020).
11. Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Недопонимания и уточнения. Заметки о «Заметках о метамодернизме» // Metamodern: журнал о метамодернизме. 2016. 15 апр. URL: <http://metamodernism.ru/misunderstandings-and-clarifications/> (дата обращения: 21.04.2020).
12. What is metamodernism? // Notes on metamodernism. 2010. July 15. URL: <http://www.metamodernism.com/2010/07/15/what-is-metamodernism/> (дата обращения: 15.05.2020).
13. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 816 с.

14. ван ден Аккер Р. Метамоде́рнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмоде́рнизма. М. : РИПОЛ классик, 2019. 494 с.

15. Freinacht H. You're Not Metamodern Before You Understand This. Part 1: Game Change // *Metamoderna*. 2020. March 11. URL: <http://metamoderna.org/youre-not-metamodern-before-you-understand-this-part-1-game-change/?lang=en> (дата обращения: 15.05.2020).

References

Alexander J. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity], *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, no. 3, pp. 5–40. (in Russian)

Assmann A. (2016) *[Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 232 p. (in Russian)

Assmann A. (2019) *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei [Oblivion of History — Obsession with History]**. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 552 p. (in Russian)

Ehpple N. (2020) *Neudobnoe proshloe: pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh [An Inconvenient Past: The Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]**. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 576 p. (in Russian)

Eyerman R. (2016) Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat' [Cultural Trauma and Collective Memory], *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]**, no. 5 (141). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171/ (accessed: 20.08.2020). (in Russian)

Foucault M. (1996) Poryadok diskursa [Discourse Order]*, *Foucault M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years]**. Moscow, Kastal' Publ., pp. 47–96. (in Russian)

Freinacht H. (2020) You're Not Metamodern Before You Understand This. Part 1: Game Change, *Metamoderna*, March 11. Available at: <http://metamoderna.org/youre-not-metamodern-before-you-understand-this-part-1-game-change/?lang=en> (accessed: 15.05.2020). (in English)

Jameson F. (2019) *[Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism]**. Moscow, Institut Gaidara Publ., 816 p. (in Russian)

Spivak G. C. (1994) Can the Subaltern Speak? *Williams P., Chrisman L. Colonial Discourse and Post-Colonial Theory: A Reader*. New York, Columbia University Press, p. 66–111. (in English)

van den Akker R. (2019) *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma [Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism]*. Moscow, RIPOL klassik Publ., 494 p. (in Russian)

vDud' (2019) Beslan. Pomni [Beslan. Remember]*, *YouTube*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=vF1UGmi5m8s&lc=Ugws4K1HxAuNuvfE8eB4AaABAq> (accessed: 29.01.2020). (in Russian)

vDud' (2019) Kolyma — rodina nashego strakha [Kolyma — Birthplace of Our Fear]*, *YouTube*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=oo1WouI38rQ> (accessed: 29.01.2020). (in Russian)

Vermyulen T., van den Akker R. (2015) Zametki o metamodernizme [Notes on Metamodernism], *Metamodern: zhurnal o metamodernizme [Metamodern: Metamodernism Magazine]**, December 2. Available at: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (accessed: 15.02.2020). (in Russian)

Vermyulen T., van den Akker R. (2016) Nedoponimaniya i utochneniya. Zametki o "Zametskakh o metamodernizme" [Misunderstandings and Clarifications. Notes on "Notes on Metamodernism"]*, *Metamodern: zhurnal o metamodernizme [Metamodern: Metamodernism Magazine]**, April 15. Available at: <http://metamodernizm.ru/misunderstandings-and-clarifications/> (accessed: 21.04.2020). (in Russian)

What is Metamodernism? (2010) *Notes on metamodernism*, July 15. Available at: <http://www.metamodernism.com/2010/07/15/what-is-metamodernism/> (accessed: 15.05.2020). (in English)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.